

И. П. ГОЛОВКО

**Мой путь
в
Австралию**

**Мемориальные записки
одного из эмигрантов Австралии**

БРИСБЕН – АВСТРАЛИЯ

– 1986 –

И. П. ГОЛОВКО

**Мой путь
В
Австралию**

**Мемориальные записки
одного из эмигрантов Австралии**

БРИСБЕН – АВСТРАЛИЯ

– 1986 –

I. P. GOLOVKO

MY TRAVEL TO AUSTRALIA

**Memorial notes of one of Australian
immigrants**

**Все права сохранены за автором
All rights reserved by author**

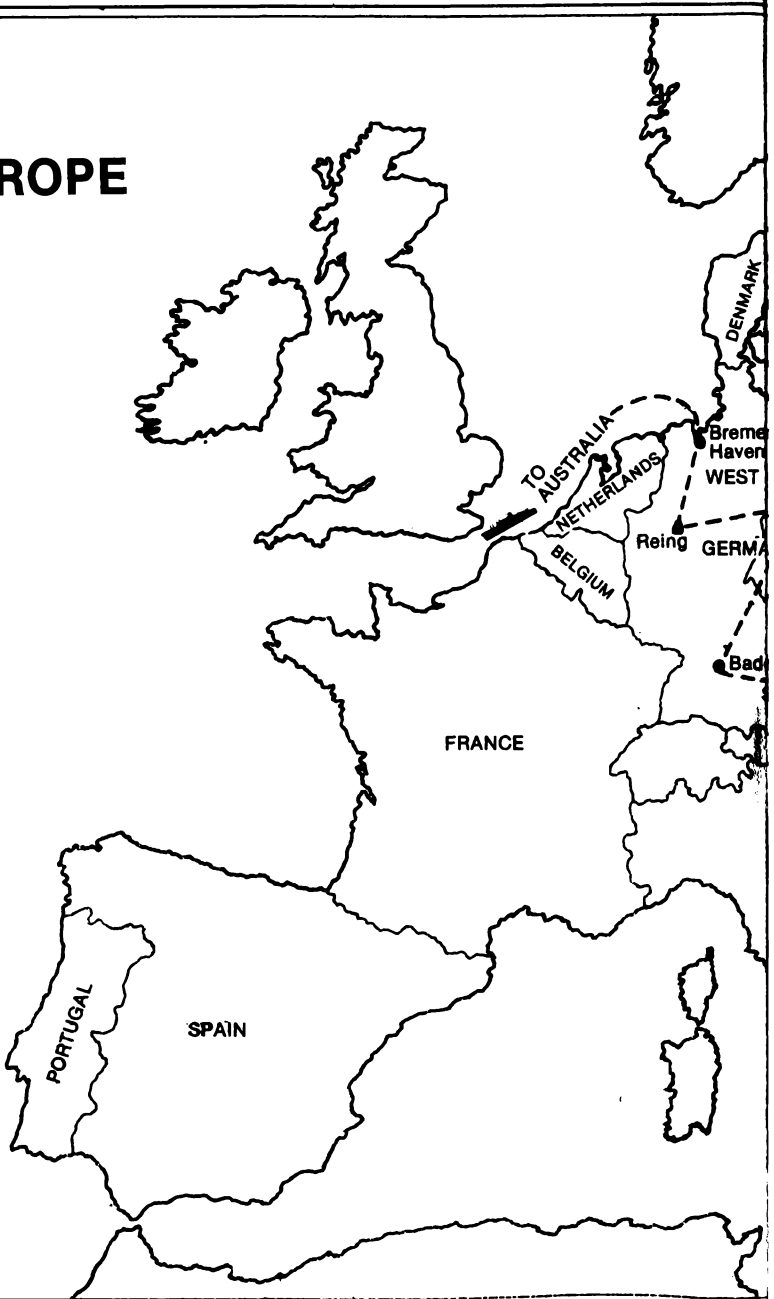
**Напечатано типографией "Единение"
— Сидней — Австралия —**

**Printed by
Unification Printers & Publishers Pty. Ltd.
28 Regent Street,
Chippendale, N.S.W., 2001
Australia**

Автор в 1941 году

EUROPE

ГЕРМАНИЯ

Проснувшись утром, 24 июня 1941 года, я обрадовалась, более чудесной погоды нельзя было желать, — было тепло, солнце светило так ласково, и не было ни малейшего ветерка. Это была суббота, день отдыха от нашей повседневной работы в конторе, и я, быстренько позавтракав, поехала трамваем в город, сделать кое-какие покупки. Закончив их, я решила не ехать домой трамваем, а пройтись пешком и насладиться солнечным днем, благо мы жили в минутах 20-ти ходьбы от центра города.

Когда я пересекала попутный парк, все клумбы которого пестрели цветами, вдруг со всех четырех сторон парка громкоговорители стали передавать известие о вторжении войск Гитлера в советские границы. Это была потрясающая новость, публика, гулявшая в парке, или просто проходившая, приостановилась, выслушала, и все чуть ли не бегом поспешили домой.

Для нашей семьи настало тревожное время: кроме ужаса войны мы еще осознавали, что семья репрессированного по политической статье и сосланного в Сибирь в 1937 году отца (который через полгода умер там), — это была предпосылка в военное время для ссылки членов семьи.

Наша семья состояла из матери, двух замужних дочерей, все — не достигшие 30-летнего возраста, 4-летней дочери сестры и 13-летнего мальчика-сиротки — племянника матери.

Через пару дней после объявления войны в городе был дан приказ — всем сдать на склад радиоприемники, а кто не сдаст и будет слушать радио нелегально, будет судим как шпион.

В городе произошел небывалый случай: одна пожилая женщина-еврейка покончила жизнь самоубийством. Были слухи, что это случилось после того, как один раненый красноармеец, вернувшись с фронта, рассказал ей об ужасах войны, — а какие это были ужасы, тогда даже из слухов нельзя было узнать, а в газетах о войне писали очень, очень мало.

Каждый новый день не приносил ничего утешительно-го. Тревога не покидала нас ни на службе, ни дома. В городе стали приготавливать (упаковывать) к эвакуации музейные ценности, а на заводах упаковывали более ценные станки.

Более богатые вреи уезжали первыми в глубь страны, затем последовали еще очень многие, но все же много и осталось, — возможно, по той же причине, по какой и мы не выезжали. В военное время оставить дом и выехать в совсем неизвестные места и поселиться там стоило больших денег, которых не было. Также все же была надежда на стойкость наших границ, о которой нам так часто говорило правительство.

На работу мы выходили, но не работали по своей специальности. Нам выдали лопаты, и каждое производство, выстроившись в шеренги, шло за город копать противотанковые рвы.

Руководители работ строго следили, чтобы все выходили на работу и выполняли свою норму работы. Мы и не увиливали, т.к. все любили свою родину, и всем хотелось встать на защиту ее. Также мы знали, что невыход будет рассматриваться как измена родине и суд будет очень строгим.

Через некоторое время должны были прекратить копать ров, так как стали налетать немецкие истребители и обстреливать людей из пулемета. Были жертвы. Перестали выходить на работу. Чаше и чаше по ночам гудели гудки воздушной тревоги. У нас в доме было подвальное помещение, в котором мы и наши соседи просиживали ночи, прислушиваясь к зловещему гулу пролетающих через город бомбовозов. Однажды днем мы наблюдали жуткую картину — воздушный бой двух истребителей; кто победил, мы не узнали, так как побежденный упал километрах в двадцати от города, а жители дальше своих домов не ходили, так как магазины уже не открывали, и люди довольствовались кое-какими запасами, которые сделали заранее, — предвидя создавшуюся ситуацию. Стали изредка сбрасывать бомбы на город. Уже в августе месяце части советских войск отступили с фронта, проехав скорым темпом через город со всеми боевыми орудиями.

Вскоре эвакуировалась городская администрация.

Несколько дней в городе было безвластие, мальчишки, да, наверное, и взрослые стали грабить магазины, грабили находящийся невдалеке от нас маслозавод (подсолнечное масло), и, как бывает в таких случаях, половина масла была пролита на землю.

Через несколько дней проехала через город на мотоциклах первая немецкая разведка; затем два дня снова все было тихо, а на третий день немецкие войска вошли в город. Некоторые жители, которые были недовольны сталинским режимом и тогда еще не были знакомы с политикой Гитлера, встретили их как желанных победителей: со старинным приветствием, хлебом и солью.

Но не прошло так уж много времени, когда в центре города, на площади под большим портретом Гитлера с надписью "Освободитель" кто-то ночью сделал приписку "от хлеба".

Некоторые жители неплохо относились к немецким солдатам небольшого ранга, понимая, что не их вина в войне; некоторые ненавидели их всех — от большого чина до малого.

После оккупации города выбрали новый состав управления города из местных жителей; конечно, главным начальником был немец.

Объявили всем по алфавитным буквам фамилии на определенные дни явиться на перепись населения. Евреев переписывали отдельно. Вскоре евреям приказали на одежде на спине пришить знак звезды. Не прошло и месяца, как их всех погрузили на грузовики и увезли за город по направлению к вырытым противотанковым траншеям; что произошло дальше, то... ..не буду повторять трагедии, о которой знает весь мир..

После переписи населения всем выдали продовольственные карточки с очень маленькими рационами и объявили, чтобы все работавшие до войны в назначенный день явились по местам своей службы или работы, где они служили или работали до войны.

Постепенно кое-как жизнь в городе стала налаживаться; торговой частью руководила немецкая организация Ц.О. ("Центральное Общество Восточной Торговли) — во главе каждой отрасли был немецкий начальник, немка-секретарша, украинский начальник, переводчик и конторский состав из местных жителей.

До войны в школах с пятого класса по десятый наряду с другими предметами преподавали немецкий язык, и немцы были удивлены тем, что почти вся молодежь более или менее прилично может изъясняться на немецком языке.

Мой муж и я получили работу в конторе Ц.О.; муж — в зерновом отделении как счетовод, я — в рыбном отделении как переводчица. Заводы открыли в своих цехах мастерские по изготовлению предметов так называемого "ширпотреба",

к которым относились вещи, необходимые в хозяйстве, также чинили сельскохозяйственные и другие машины, выполняли поступающие разные заказы от немцев.

Муж сестры как опытный механик работал по ремонту сельскохозяйственных машин. Сестра не работала, т.к. на ее руках был маленький ребенок.

Школы были закрыты. Нашему двоюродному братику Жоре в то время было уже 13 лет, и мы, чтобы он не бегал без занятия по улицам, пристроили его на завод учеником к знакомому мастеру, чему он был очень доволен, так как там были еще мальчики его возраста.

Советский писатель Илья Эренбург в своем романе "Буря" характерно пишет, как люди в оккупированной немцами Франции относились к создавшемуся положению. "...Я не понимаю одного, почему профессор обрушился на господина Нивеля?" "Ты никогда не поймешь, это — политика. Нивель считает, что нужно работать с немцами". "Что тут плохого? Если они здесь, то приходится с ними работать. Как будто это от нас зависит? Все с ними работают, и, по-моему, никто их не любит. Только глупо об этом кричать, как профессор, можно нарваться на крупные неприятности".

Лансье подумал: она рассуждает как я. Как маршал. Дюма всегда был грубоват. А Нивель перегибает палку.

В городе жизнь налаживалась, но жизнь тревожная, война шла, но мы, конечно, правдивых сводок о ходе войны не знали. Сестра по секрету мне сказала, что Алексей помогает партизанам деньгами.

Однажды Жора пришел с работы очень возбужденный и сказал нам, что у них в мастерской объявили, что можно записаться добровольно на работу в Германию (в то время началось с "добровольно", а потом уже было принудительно), что многие его товарищи записались, и он тоже хочет поехать и увидеть свет.

Мама категорически запретила ему записываться и пояснила ему, что сейчас война, и поездка в Германию будет не то, о чем мечтает Жорик, и, зная Жорин настойчивый характер, в день, когда предполагался отъезд завербованных, мать спрятала Жорины ботинки.

Жора ночью тайком уехал с транспортом в Германию, в одних галошах.

На работе мой немецкий начальник оказался славным че-

ловеком: бывший военный, небольшого чина, не партийный. Но вот прислали еще одного начальника, тоже из военных, но более высокого ранга и, как видно, члена партии. Он был резким и надменным. Однажды в конторе без причины оскорбил молодую девушку-конторщицу; она плакала, и я, сочувствуя ей, среди своих конторских сотрудников выразилась о нем, что он "Mensh" (недостойный человек), что ему кто-то передал, и я вскоре получила повестку явиться в Отдел Безопасности, к начальнику. Он сказал мне сесть на стул, который стоял посередине комнаты, ходил вокруг меня и кричал, что на меня поступило на трех листах заявление, что я неправильно перевожу, скрываю недостатки и ошибки украинских работников, что за такие дела меня сейчас же следовало бы отправить в трудовой исправительный лагерь (таковой уже существовал), но он все же даст мне испытательный срок, и что с этого времени я буду под наблюдением.

Уже прошло несколько месяцев с того времени как уехал Жора, и вот, наконец, мы получили от него письмо. Конечно, получилось так, как мы его предупреждали, что, возможно будет; Жора жил в лагере, за колючей проволокой, в бараках, расположенных вблизи завода. У подростков рабочие часы были такие же, как и у взрослых, всегда он был полугодный.

Два раза он пробовал бежать, оба раза был пойман; его били и садили в карцер.

Наша бедная мать плакала, не спала ночи. Но не всегда судьба жестока к людям, бывает, как говорят, она и смирится. У Алексея, мужа сестры, был знакомый немец-заказчик, который получил отпуск и ехал домой в Германию. Алексей дал ему 10 марок и попросил его (нам не разрешалось) из Германии эти деньги переслать Жоре, что тот и исполнил.

Жора, получив деньги, не истратил их на свои надобности, а пошел к лагерному надзирателю и, воспользовавшись тем, что в комнате больше никого не было, дал ему эти деньги и попросил дать ему свидетельство, что он по состоянию здоровья нуждается в отпуске.

Он получил это свидетельство и отпуск на месяц, но еще беда была в том, что тогда отпуск давали подросткам — полякам и украинцам польского подданства, а подросткам с советской территории отпуск не давали. Но и в этой ситуации Жора нашел выход: он сказал, что наш город находится на

польской территории. Никто из немцев-контролеров не вздумал проверить город по карте, и Жора благополучно приехал домой. Это была большая радость для нас, в особенности для матери. Кроме всего, он нас так обрадовал своим вниманием: Всем членам семьи он привез маленький подарок, как, например, шарфик, гребешок, ленточку для девочки и др.

Месяц отпуска прошел очень быстро, но мама и не думала отправлять Жору обратно, но подумало об этом начальство. По прошествии месяца мать получила письмо из Биржи Труда, в котором писали, что отпуск Жорин закончился и Б.Т. требует отправки его обратно.

Опять пришла беда, и опять как бы нашли выход из положения.

У нас был знакомый шофер из "Заготзерна" (отделение заготовки зерна), который все время курсировал между районными городами и нашим городом, и мы пристроили Жору к нему, чему Жора был рад; также шофер был доволен. Конечно, мы ему не сказали, что Жора как бы на положении "дезертира". Затем мать пошла в контору Б. Т. и сказала там, что она Жору отправила в Германию; время было военное, формальности выполнялись, но не проверялись, и это укрывательство сошло нам удачно.

Был июнь 1942 года, немецкие войска все время отступали, и в октябре месяце советские войска были уже в 50 километрах от города. Управление города внезапно объявило город на эвакуационном положении. Утром в 9 часов нам объявили на службе, что в 3 часа дня эшелон товарных вагонов отойдет от станции. Конечно, большая часть жителей не эвакуировалась по многим причинам, как те, у кого близкий член семьи был в советской армии; кроме всего, так трудно бросить свой родной город, где родились и выросли, и ехать неизвестно куда, не зная, что тебя там ожидает.

Многие имели родственников в окрестностях города и бежали к ним укрыться от возможной осады города, что, по слухам, и было впоследствии.

Наша семья решила эвакуироваться. Очередная наша беда была в том, что Жоры не было в городе, — он должен был вернуться домой через день-два, а часть города, где мы жили, была назначена на первый день эвакуации. Мы побежали в управление попросить разрешения эвакуироваться на другой день, но нам не разрешили, сказали, что Жора эвакуируется с другим

транспортом и найдет нас на пересылочном пункте.

Мой муж не мог эвакуироваться с этим транспортом, его контора еще не ликвидировалась. Он проводил нас и уже когда эшелон тронулся, выскочил из вагона на ходу поезда.

Когда поезд тронулся и стал отходить от города, у меня было очень тяжело на душе; ко всему, возможно, еще было как бы предчувствие, что в будущем меня ожидает большое горе; я не плакав со дня известия о смерти моего отца в ссылке, — горько заплакала, а моя мать утешала меня, как маленького ребенка, без слов, гладила меня по голове.

Ночами эшелон шел почти не останавливаясь на станциях. Когда мы остановились на небольшой румынской станции, румынки вынесли на вокзал сало в обмен на носильные вещи или соль. Нам также удалось обменять кое-какие вещи на сало, которое впоследствии нам очень пригодилось.

Как часто в жизни бывает, что молодые люди легче переносят удары судьбы, чем пожилые; через несколько дней у матери на нервной почве отнялись ноги. Все, к чему она так привыкла за долгие годы, все, что они с мужем приобрели за всю жизнь, все пришлось в течение 3-4-х часов оставить и ехать неизвестно куда; неизвестно, что ожидало нас на новом месте. Кроме того, беспокойство о Жоре не оставляло ее.

Конец нашей поездки был пересылочный лагерь (расположенный недалеко от города Лодзь — это был довольно большой город на границе Польши и Германии). Там нас поместили в лагерь, а мать — в больницу. К счастью, лечение прошло успешно, и через три недели она могла уже снова ходить.

В этот лагерь прибыли еще люди — со следующей очереди эвакуации города — и сказали нам, что Жора, заливаясь слезами от разлуки с матерью, сказал, что в Германию он не поедет.

В лагерь приезжали представители заводов и выбирали нужных им специалистов. Алексея как механика, и нас вместе с ним назначили на большой металлургический завод в Саксонии.

Поместили нас в лагерь, огороженный колючей проволокой, который находился минутах в 10-ти ходьбы от завода. Алексей и я работали в цеху, наша мать и сестра, как мать малолетнего ребенка, — не работали.

Питались мы из общей кухни, которая находилась при лагере, на обед почти всегда был суп-баланда из кормовой брюквы.

Следующим за нашим лагерем был лагерь, где помещались итальянцы. Видно было по забитым досками окнам, что они находились в еще худших условиях, чем мы. С другой стороны находился лагерь, где помещались французы — им была разрешена помощь от Красного Креста, и они имели лучшие условия жизни.

Прошло несколько месяцев, бомбардировка Германии все учащалась. Часто на работе при гудке "полная тревога" мы укрывались в траншеях, выкопанных возле завода.

Как-то ночью мы услышали, что бомба упала где-то совсем близко; утром мы узнали, что бомба упала прямо на завод, на котором мы работали.

Когда мы были в переселенческом лагере, друг Алексея с семьей был взят на работу в маленький городок, который находился в области Баден, на границе с Францией. Алексей переписывался с ним, и тот писал, что городок не имеет больших заводов, и до того времени там не было сброшено ни одной бомбы.

Узнав, что мы как бы без работы, он переговорил со своим начальником, и тот прислал официальную бумагу, что нуждается в механике, — и нам разрешили выехать туда.

Нам всем очень понравился этот маленький, тихий, весь в зелени, городок, который пересекала небольшая река и очень его украшала. Вдоль берега была насажена красивая аллея из каштановых деревьев, много было скамеек, и жители города, а также и мы, часто там отдыхали, любуясь приятными окрестностями и изменчивыми оттенками текущей воды.

Сидя у воды и прислушиваясь к звукам, которые производила текущая вода, я старалась найти им более подходящее определяющее слово.

В зависимости от извилин речки менялись и звуки, — то подходило слово "шелест" воды, то "урчание", то "бульканье". Эти звуки имели успокаивающее действие на меня и, возможно, на многих, кто к ним прислушивался. Скамеечки у речки не пустовали долго, все находились и находились желающие отдохнуть на лоне природы от повседневной суеты мирской.

Вскоре в этот городок приехал и мой муж и также устроился в механическую мастерскую. Я работала на небольшом заводе, который до войны изготавливал пишущие машинки; в настоящее время он производил маленькие детали. Хотя везде был 10-часовой рабочий день, я работала 8 часов, так как станок, на котором я работала, работал круглые сутки, в три сме-

ны, и я должна была одну неделю работать с 6-ти утра до 2-х часов дня, другую неделю с 2-х часов дня до 10-ти вечера и третью неделю — с 10-ти вечера до 6-ти утра.

В этом городке особенно часты были воздушные тревоги, так как целые группы нагруженных бомбовозов пролетали через него, затем разлетаясь по разным направлениям Германии.

Когда рано утром после ночной смены я приходила домой, мать говорила мне: "Слава Богу, ты пришла, теперь я могу немного уснуть, — я всю ночь не спала от волнения, что могут сбросить бомбу на завод, на котором ты работаешь."

Мы жили на третьем этаже в мансардных комнатах, которые до войны жителями дома использовались как кладовые. Двор этого дома упирался в ветку железной дороги.

Когда была воздушная тревога, все жители дома сбегали в подвальное помещение, где находились их погребы, и сидели там, пока не заканчивалась воздушная тревога. Мы тоже имели там свою кабинку-погреб, которая запиралась, и так как уже изредка стали сбрасывать бомбы и на этот городок, спрятали там пару чемоданов с вещами; в том случае, если бомба упадет на дом, то, возможно, кое-что уцелеет в погребе.

Подшло роковое для нас число, 1 декабря 1944 года. Муж в этот день был нездоров и не пошел на работу, я работала в утренней смене и в 2 часа заканчивала работу. В час дня загудел гудок неполной воздушной тревоги, но мы услышали взрывы падающих бомб в городе.

В 2 часа, когда я пришла домой, то увидела, что от трехэтажного дома, где мы жили, остались только дымящиеся развалины, только с той стороны, где был погреб, остался первый этаж, — все верхние этажи были снесены.

Муж сестры был на работе, сестра с ребенком и почти все жители дома были в погребе, а мать, муж и еще одна жительница были наверху и погибли.

Три дня военные разыскивали их тела в руинах, и три дня я и сестра не уходили с руин.

На третий день их нашли. Они не были повреждены, мама была как живая, а с мужа я попросила не открывать покрывало — я хотела сохранить его в памяти таким, каким я видела его в последний раз, — живым.

Все эти три дня я ходила как в трансе, три дня я не могла поверить, что это действительно случилось, и только на шестой день, на похоронах я заплакала, и больше уже никогда при бом-

бардировке не ходила укрываться в погреб..

Наши друзья, при помощи которых мы переехали в штат Баден, на деле показали, что они действительно — друзья. В день трагедии они взяли сестру с семьей и меня к себе, и мы жили у них, как говорится, "в тесноте, да не в обиде", — несколько дней, пока не получили новое жилье. Также они во всем старались помочь нам.

Через пару дней наша гостеприимная хозяйка предложила мне пойти со мной к руинам и забрать из погреба пару этих чемоданов, которые мы там хранили, но я отказалась пойти, сказав, что вещи меня не интересуют.

Несмотря на мой отказ и на опасность сойти в погреб, так как стены все время обваливались, эта добрая женщина уговорила меня пойти, и мы вместе вынесли эти два чемодана.

До сих пор я благодарна ей за это, так как в одном из чемоданов был семейный альбом и некоторые ценные — по сентиментальным воспоминаниям — вещи.

Многие жители из центральных улиц городка выехали в окрестности, и нам удалось снять флет только в центре города, но в данный момент мы были рады иметь крышу над головой. Иногда в городе шел слух, не знаю, на чем основанный, а, вернее, не обоснованный, — что вот в эту ночь будут особенно сильно бомбить город. Сестра с семьей на ночь уходили в пригород к знакомым, я же одна, без боязни, оставалась в пустом доме на почти пустой улице. Бомбы иногда падали так близко, что стекла в окнах рабивались, я же, накрыв даже голову одеялом, старалась уснуть.

Приехав в Германию и увидев многих женщин в трауре, я грешила, говоря, что мне не понятно, зачем люди носят траурную одежду, когда траур в их сердце, а потеряв своих близких, я два года не снимала траурной одежды — просто мне были неприятны цветные платья.

На город стали чаще сбрасывать бомбы, и стали обстреливать из дальнобойных орудий. Производства закрылись, на улице за покупками опасно было выйти. Одну женщину случайным снарядом убило на улице; многие жители эвакуировались в более безопасные места.

Мы тоже решили уехать из города, решили выехать в Тюрингию, в город Ильменау, куда попали на работу наши соседи, с которыми мы вместе эвакуировались из нашего города. Я переписывалась с ними, и они мне писали, что до сих пор на город

не сбрасывали бомб, что работают они на фабрике, на которой до войны шили перчатки, а в настоящий момент шьют противогазные маски. Алексей, как я уже упоминала, был по специальности механиком; он решил, что на этой фабрике должно быть много швейных машин, а поэтому, возможно, найдется работа и для него. Другого выбора не было, и мы стали собираться в дорогу.

Перед выездом я должна была пойти на кладбище, попрощаться с могилками. Кладбище находилось напротив вокзала. Это было красивое кладбище-парк, куда жители — также и мы — в мирное время приходили погулять, посидеть на скамеечках.

Выбрав момент, когда немного затих обстрел города, я по пустынным улицам побежала на кладбище. Но я не могла найти могилки — на их месте была громадная воронка от пятитонной бомбы. Подумав, что я ошиблась местом, я обежала кладбище и с другой стороны подошла к могилкам, — была та же яма. И тогда только я поняла, что случилось: сбрасывали бомбы на вокзал — бомба упала на кладбище.

Я долго сидела у воронки без мыслей, но, зная, что меня ждут дома, побрела домой как бы опустошенная.

Так как вокзал из-за повреждений не работал, то мы могли выехать только со следующей маленькой станции. Нам удалось за приличную сумму денег найти возчика, и он повез нас с нашими вещами на следующую станцию. По дороге нас обстреляли с пулемета с маленького истребителя; мы все, соскочив с подводы, легли в ров при дороге. К счастью, ни нас, ни лошадей не задела пули. Возможно, летчик хотел только нас напугать или узнать, кто едет на этой подводе.

Наконец, мы двинулись в долгий, опасный и утомительный путь, но все были молоды и здоровы, так что переносили невзгоды молча, не жалуясь, — все мысли были заняты вопросом, что ждет нас в будущем. Опасность ожидала нас на каждом шагу, часто на железную дорогу сбрасывали бомбы, и в таких случаях пассажиры соскакивали с поездов и бежали под укрытие зданий или в лес. Наконец, мы приехали в Тюрингию, в город Ильменау, где все получилось так, как Алексей предполагал, — хозяину фабрики нужен был механик. Я также получила работу на фабрике. Для нас на территории завода очистили две мансардных комнаточки, в которых раньше хранился архив, и мы получили жилье. Чувствовалось послабление в режиме по отношению к иностранцам, настало время, когда

уже чувствовалась развязка войны. — и не в пользу немцев.

Я стала замечать, что немцы, встречаясь, по возможности старались не приветствовать друг друга их обычным приветствием "Хайль Гитлер".

Я списалась со своей тетей, которая также была моей крестной матерью и которая со своим 15-летним племянником, сыном ее умершей сестры, до сих пор находилась в восточной части Германии, в пересылочном лагере, так как по своим годам работать уже не могла, но племянник достиг возраста, в котором принимали на работу. Вскоре они тоже приехали в Ильменау, где мы поделились с ними своим жильем. Отец мальчика по своей национальности был евреем, но до сих пор это удавалось скрыть от немцев. Мальчик также устроился на работу на этой фабрике.

Я любила и уважала мою крестную, и мне хочется написать про эту, в моих глазах — особенную, женщину.

Ее отец, будучи молодым человеком, приехал из Дании на Украину на работу. Получив должность старшего кассира на заводе англичан "Роберт и Томас Эльворти", на котором работали 4000 рабочих и который изготовлял сеялки для всей России, он женился на Украине и обосновался там навсегда. Тетя, его первая дочь, была брюнеткой с синими глазами. Гимназию закончила с медалью, замуж вышла за юнкера Н. В. Мусиенко, окончившего в Елисаветграде юнкерское училище. Я помню, она мне рассказывала, что принятые в училище юнкера должны были при приеме сдать в училище серебряный столовый прибор и всегда в ожидании блюд рассматривали монограммы приборов и делали предположения, кому они принадлежат.

После свадьбы молодые уехали в Петроград, где Н. Мусиенко поступил в Военную академию и закончил ее. Я лично смутно помню его. Что мне запомнилось из рассказов моей матери о нем, это то, что при каждом удобном случае дядя Коля присовокуплял: "закончил я академию только благодаря моральной поддержке моей жены".

Впоследствии мне всегда припоминались эти слова, когда приходилось встречаться с противоположным явлением, когда друг и друзья старались умалить помощь отзывчивого человека. Да, благородство души не каждому дается! В Первую мировую Н. Мусиенко имел чин капитана, участвовал в боях, и когда написал о стратегии боя под Добруджино, был произведе-

ден в генералы. Умер он в Крыму при отступлении белой армии, заболев тифом. Впоследствии его жена, моя тетья, работала в конторе, а позже, закончив курсы кройки и шитья, открыла свою школу кройки и шитья. Одно время мы жили в одном городе, и я часто с нею виделась и до сих пор храню подарок от нее — золотой брелок от часов дяди Коли, — который она подарила мне в день моего пятнадцатилетия.

Когда тетья со своим племянником (кстати сказать, он был исключительно приятной натуры мальчиком) приехали в Ильменау, то тетья часто восхищалась природой этой части Германии. И хоть в то время достигла шестидесятилетнего возраста, была большой энтузиасткой в пешеходном спорте. Она купила пешеходную карту тропинок вокруг Ильменау. И я с нею и мальчиком почти каждое воскресенье ходила по этим тропинкам в различные пригородные селения. Часто к нам присоединялись и остальные члены нашей семьи, и мы делали пикники в самых красивых месторасположениях. Мы заходили на каждую попадавшуюся на нашем пути ферму (что и было основной нашей задачей) и предлагали там вещи в обмен на продукты питания. Чаще нам удавалось вернуться домой с продуктами, и эти деловые прогулки оставляли приятные воспоминания на всю неделю и даже, как оказалось, на десятки лет.

Подошел апрель месяц 1945 года — конец войны — большая радость, но эта радость принесла нам и тревогу, так как ходили слухи, что Тюрингия по "Договору Мира" отходит к Советскому Союзу, и в таком случае у нас возникли вопросы, какова будет наша дальнейшая судьба?

В газетах о разделе Германии ничего не писали, но в городе уже появились советские легковые машины, в которых сидели комиссары, и грузовые машины, нагруженные красноармейцами.

Управление города открыло для населения склад обуви, и каждому продавали четыре сезонных пары, — мы также купили, и впоследствии эта обувь нам пригодилась в обмен на продукты питания.

Одна наша знакомая работала в городском управлении, от нее мы узнали, что на следующий день, после полудня, — Тюрингия будет передана Советскому Союзу, и что городское управление назначило один автобус для вывоза иностранцев за полосу границы, и чтобы мы, если желаем, пошли в городское управление и записались на этот автобус. Мы решили записаться на выезд.

Наша тетя отказалась выезжать из Тюрингии, она сказала, что отец мальчика, будучи мобилизован на войну, поручил ей его, и теперь она должна привезти мальчика на родину — к отцу. Мы уговаривали ее поехать с нами, но в действительности не знали, как ей лучше поступить.

Наши друзья (соседи, с которыми мы выехали из дому), тоже решили записаться на этот автобус. Их семья состояла из четырех женщин: бабушки, ее невестки и двух внуков — 19 и 10 лет. Дедушка этих девочек в 1937 году был сослан в Сибирь без права переписки.

Он, еще будучи молодым, приехал из Германии на работу в Россию. Будучи хорошим специалистом, он получил хорошую работу и, женившись на украинской девушке, решил остаться в России навсегда. Отец этих девочек умер до войны.

На другой день рано утром в переполненном людьми автобусе, людьми разной национальности, мы выехали из Ильменау с радостным чувством, что все устроилось так, как нам хотелось.

Приблизительно около 12-ти часов пополудни мы переехали границу. Пограничная советская охрана уже стояла на посту, но граница была еще открыта, так как по времени закон еще не вошел в силу.

Только переехав границу, наш шофер-немец остановил машину среди поля и сказал нам всем, чтобы мы вышли из автобуса вместе со своими вещами, что свою миссию он выполнил — перевез нас через черту границы, и что дальше он не поедет.

К нашему счастью, среди нас был итальянец, который после войны, женившись на немецкой девушке, решил обосноваться в Германии, но позже решил вернуться на свою родину. Он имел при себе револьвер и, наставив этот револьвер на шофера, приказал ему везти нас всех до ближайшей железнодорожной станции, что тому и пришлось сделать.

Пассажирское движение поездов еще не было налажено, ходили только грузовые составы. Сутки мы сидели на станции, не зная, что предпринять: основной нашей едой были хлеб, вода и немного жира, но в то время мы вполне довольствовались этим. Остальные пассажиры автобуса, знавшие эту местность лучше, разошлись по своим направлениям. К нам подходили железнодорожные служащие, и мы им рассказывали наше создавшееся положение.

На следующий день один из них подошел к нам и, указывая на состав угольных вагонов, стоящих на боковой линии станции, сказал, что он вполне уверен, что завтра этот состав пойдет на запад.

Мы и наши друзья решили дождаться ночи и тайком, чтобы никто не видел, забрались в один из угольных вагонов. Рано утром этот состав двинулся в путь, — мы ехали с замиранием сердца, — ведь могли изменить маршрут состава, и было возможно, что мы едем обратно — в Ильменау..

К вечеру мы уже знали точно, что едем на запад. Обслуживающие паровоз машинисты увидели, что имеют бесплатных пассажиров, и сказали нам об этом. На другой день утром состав остановился в маленьком городке и машинист сказал нам, что состав дальше не поедет и чтобы мы выгрузились из вагона.

Алекс, я и старшая дочь соседей, Ольга, пошли в городское управление попросить их помочь нам в нашей ситуации. Там нам сказали, что в этом городке мы остаться не можем, они не могут нам предоставить ни работы, ни жилья, — и мы должны выехать в большой город.

Нам выдали беженские удостоверения, и по ним мы получили, и впоследствии в дороге получали, продукты питания. Наш паек был очень-очень мал, например, мяса мы получали полфунта на неделю. В рацион входила крупа, и мы немедленно в пустыре за вокзалом поставили два кирпича, собрали сухих веточек, и на них сварили суп. Не евши несколько дней горячей пищи (столовые в то время не функционировали), читатель может себе представить, с каким аппетитом мы его съели.

Из этого городка ветка железной дороги шла в провинцию Вестфален, по ней изредка курсировали пассажирские поезда. И вот мы уже, купив билеты, решили ехать в большой город Мюнстер.

Но нам не удалось доехать до города Мюнстер. Доехав до сравнительно небольшого города Райне, мы должны были сойти с поезда, так как дальше поезд не шел. Рельсы были повреждены при бомбежке, и починка их все еще не была закончена.

Вокзал также был поврежден — посередине крыши была дыра. Мы с нашими вещами устроились у стен помещения, и опять те же трое пошли в Городское Управление за помощью.

Там также нам сказали, что жилья для нас у них нет, но поставили печать на продовольствие на наших беженских удостоверениях.

Мы как беженцы могли в каждом новом месте получать продовольствие, только один раз на 2 недели.

Получив продукты мы, чтобы не привлекать внимания жителей, под вечер, когда все расходились по своим домам, позади вокзала, поставив кастрюльки опять-таки на два кирпича, варили себе еду.

Видя, что этих продуктов так мало, в особенности при кочевой жизни, сестра, я и Ольга ходили в пригород и заходили ко всем небольшим фермерам, огородникам и садоводам и предлагали наши вещи в обмен на что-нибудь съестное.

Хотя в то время в городе функционировали только продовольственные магазины, все остальные были закрыты; не всегда вещи, которые мы предлагали, были им нужны, или по размеру не подходили, но всегда видно было, что людям хотелось нам помочь, хотя они и сами были не богаты продуктами. Чаще мы приходили "домой" уставшие, но довольные, ведь в то время получить что-нибудь съедобное — уже нас устраивало.

Так прожили мы на этом вокзале более недели. Мы не особенно ощущали неудобства: было лето, стояла чудная погода, мы были молоды, почти все — оптимисты, редко-редко жаловались, смотрели жизни, как говорится, прямо в глаза, стараясь вырвать у нее для себя и что-нибудь хорошее.

Конечно, бабушке было трудно переносить все эти невзгоды, но она была безропотной старушкой, чаще молчала, — всю свою любовь после потери мужа и сына она перенесла на своим внучек и была уже тем рада и довольно, что все живы, здоровы и все вместе.

Она брала себе минимальную часть пайка, все лучшее отдавала своим внучкам, и даже впоследствии, как они мне рассказывали, устроившись на частной квартирке, она также продолжала все лучшее из пайка отдавать своим внучкам, и чтобы чем-нибудь компенсировать себя, допивала и принимала все лекарства, которые члены семьи не допивали или не закончили принимать. Это продолжалось пока карточная система не была отменена.

Приблизительно на восьмой день нашего пребывания на вокзале к нам подошли представители городского управления и сказали, что они приступают к ремонту вокзала, а потому мы должны уйти отсюда, и дали нам адрес школы, в которой, так как учебный год еще не начался, временно останавливались беженцы. Мы перешли в школу — наши условия жизни немного

улучшились. Там мы имели электрический свет, прачечную. Постели также составили себе из скамеек, еду варили на дворе, также — на двух кирпичиках. Девочки взяли на себя заботу снабжать нас щепками для топки.

Однажды произошел курьез: мы поставили наши кастрюльки на кирпичи, а сами зашли в помещение за продуктами; когда вернулись, то обнаружили, что кастрюльки исчезли с кирпичей. Это была трагедия для нас, так как в то время никакой посуды невозможно было купить. Вскоре этот курьез разъяснился. Оказалось, что дети жившие поблизости, подумали, что мы ушли совсем из школы, забыв про кастрюльки. Они взяли их и отнесли своим родителям, но узнав, что мы не уехали и ищем свои кастрюли, сейчас же принесли их нам и попросили извинения.

В 20 минутах ходьбы от школы находился лагерь, где жили украинцы, беженцы и подростки, забранные немцами в Германию на работу.

Алексей пошел туда поговорить с ними о нашем создавшемся после войны положении, — положении людей, потерявших родину. В лагере ему рассказали, что к ним часто приезжают советские комиссары и уговаривают людей вернуться на родину.

В лагере люди разбились на две группы. Одна группа людей, в большинстве состоявшая из пожилых людей, которые были недовольны режимом Сталина, решила не возвращаться домой.

Другая группа людей, в большинстве состоявшая из подростков, хотевших вернуться к своим родителям, решила ехать домой.

Наконец, назначили день отъезда, и возвращенцы, погруженные со своими вещами в грузовики, распевая песни, проехали мимо школы.

Был уже август месяц, и заведующий школой, живший на верхнем этаже школы, заявил нам, что через две недели начнутся занятия в школе и мы должны уйти из школы.

Наши друзья (соседи с родины) списались с семьей к тому времени уже умершего брата их дедушки, жившей в Западной Германии, и они были настолько добры, что пригласили всю семью приехать к ним и жить вместе с ними.

Они уехали радостные, и мы тоже радовались за них..

В городском управлении, куда мы снова обратились в поисках жилища, нам опять ответили, что, к сожалению, они не

могут нам помочь — свободных жилищ нет. Однажды при разговоре с одной немкой, жившей невдалеке от школы, я рассказала о нашем создавшемся положении, она сказала мне, что в ее доме на третьем этаже в маленькой мансардной квартирке, состоящей из спальни и кухни, невдалеке упавшая бомба сделала дыру в стене, и если Алексей сможет заделать эту дыру, мы можем получить эту квартиру.

Мы с благодарностью приняли это предложение. Алексей, как говорится, был мастером на все руки — в два дня отремонтировал квартиру, и мы перебрались туда. Мебели в квартире не было, в магазинах ничего нельзя было купить, но, как говорится, свет не без добрых людей, — жители с нижнего этажа дали нам во временное пользование кровать с матрацем и свою старую газовую плиту. Переезжая со школы, мы захватили две скамейки, на которых я спала, и стол, на котором ночью спала девочка.

Через несколько дней к нам зашел заведующий школой, чтобы поговорить об этих самовольно взятых вещах, но, увидав, как мы в них нуждаемся, ушел, не сказав ни слова о возвращении их.

Устроившись с жильем, Алексей и я пошли на Биржу Труда, спросить насчет работы, — ответ ошеломил нас: нам сказали, что так как работы они не имеют даже для своих людей, то советуют нам ехать обратно домой.

Этот совет нас очень взволновал, т.к. он нам абсолютно не подходил. Алексей продолжал навещать знакомых в украинском лагере, там ему сказали, что этот лагерь ликвидируется, и что в соседнем городке есть большой польский лагерь, в котором находятся бывшие военные поляки, а также молодежь из Польши, забранная на работу в Германию, и беженцы из Польши, и что в будущем из этого лагеря предполагается эмиграция за границу.

Также ему там сказали, что в этот лагерь принимают и украинцев, но только по особым справкам, выданным в Польском Управлении лагерей, который находился в городе на довольно большом расстоянии от города Райне, и что эти справки выдают только украинцам, рожденным и жившим на территории Польши.

Мы были украинцами, рожденными на Украине, находящейся на территории Советского Союза.

Наша мечта была — выехать за границу, и нам необходимо было приписаться в этот лагерь.

Алексей говорил немного по-польски и решил поехать в управление и самому разузнать обо всем — более подробно.

Приехал он домой со справкой, что такому-то разрешается приписка в польский лагерь и в рубрике "количество людей" стояла цифра "1". Кроме того, он там сказал, что рожден на Украине, находящейся на польской территории.

Чтобы нам всем получить справку на приписку, нам всем также нужно было поехать в управление, но мы с сестрой не умели говорить по-польски (что умели все украинцы, рожденные на польской территории).

Алекс все же нашел выход из создавшегося положения: он переправил в справке цифру 1 на 4, и нас приписали в лагерь, — меня как его сестру, и я получила его фамилию.

Все, как говорится, шло по течению наименьшего сопротивления.

Мы переехали жить в лагерь. Там была общая кухня, утром мы получали горячее, настоящий кофе, хлеб, сахар, на обед и ужин — суп, в котором было мясо. Кроме того, полагался еще добавочный паек. Приблизительно раз в месяц каждый получал пакет из Канады, в котором были деликатесы, которых мы годами не только не видели, а и не мечтали о таковых. В пакете был кофе в зернах, сгущенное молоко, шоколад, рыбные и мясные консервы и другие ценные в то время продукты. Также в каждом пакете были две пачки сигарет "Кэмел", которые тогда особенно ценились в Германии.

Я не курила и, собрав несколько пакетов сигарет, я обменяла их у знакомого немца на старый велосипед без шин, затем таким же образом достала и шины. Почти каждую неделю я и сестра на велосипедах ездили к фермерам и обменивали кофе и сигареты на яички и сало, которые мы забыли, когда и ели в последний раз. Я помню, в первый раз, когда мы привезли яички, Алексей попросил сестру поджарить ему на ужин яичницу из десяти яиц и съел все и не заболел.

Люси пошла учиться в польскую школу, которая была при лагере, и не прошло и полугода, как к нам зашел ксендз поговорить с родителями, узнать, откуда они, так как девочка так хорошо и красиво говорила по-польски, даже, как он сказал, имеет варшавский акцент.

Поляки в лагере хоть уже и знали, что мы не из Польши, относились к нам очень хорошо, никогда не давали нам почувствовать, что мы — ягоды с другого поля.

Одно только нас там пугало, и не только нас, а многих таких, нелегально прописанных, как и мы, это — полугодовые проверочные комиссии, которые назывались "скринник" и проходили в очень напряженной обстановке. Комиссия, состоявшая из нескольких поляков, возможно, бывших адвокатов, учителей, приезжала из Главного управления лагерей. Вызывали на проверку из общей залы в отдельную комнату по одному человеку, и мы всегда входили в нее с замиранием сердца: ведь если нас исключат из лагеря, мы опять очутимся на открытой дороге.

Как я уже упоминала, мы были приписаны в этом лагере как украинцы из Польши, дав адрес Станиславского воеводства (области).

Мы просили Люси запомнить этот адрес, но хотя у нее и была хорошая память, все же на комиссии она умудрилась сказать "Станиславского садоводства". Так как Польша и Украина граничат между собой, в обоих языках много слов с одинаковым значением.

К этому времени мы уже отвечали на вопросы на польском языке, и до сих пор нам удавалось проходить "скрининг" благополучно.

Этот лагерь — бывший немецкий военный лагерь — был расположен за городом в живописном месте, недалеко протекал канал, в котором водилось много рыбы, а берега утопали в зелени.

Жители лагеря часто выходили на прогулку на берег канала, удочками ловили рыбу, купались, собирали полевые цветы.

У Алексея появился новый друг, Павел, тоже из нашего края, который учил его плести сетку для ловли рыбы. Иногда Павел приглашал меня пройтись с ним к каналу — поудить рыбу. Через несколько месяцев он сделал мне предложение, но все же прошло еще более полугода, прежде чем я снова решила выйти замуж.

В мыслях у меня было — перед выездом за границу поехать в штат Баден, который после раздела Германии отошел к французам, — навестить могилки моих дорогих погибших и поставить им памятник.

Когда бомба упала на дом, в котором мы жили, мою мать нашли в руинах, но не нашли возле нее сумки с документами, деньгами, ценным кольцом и брошкой. Возможно, силой воздуха ее отбросило очень далеко. Нашли маленький саквояж, в

котором были другие ценности и серебряные вещи, — некоторые из них были повреждены осколками бомбы, — в том числе ее любимые сахарница и молочник.

Последнее время в лагере были часты свадьбы, а золотых обручальных колец в Германии в то время невозможно было купить. Это обстоятельство дало мне мысль заказать у ювелира сделать из серебряной сахарницы разного размера обручальные кольца. Сестра последовала моему примеру и заказала кольца из серебряного молочника.

На эти кольца был большой спрос, и у меня появились деньги. Я не курила, и свои сигареты из канадской посылки я тоже превращала в деньги; еще продала кое-что из вещей и собрала 2000 марок. Теперь, наконец-то, я смогла выполнить то, о чем мечтала — поехать снова почти через всю Германию (мы жили в английской зоне), через американскую зону, навестить могилки моих дорогих погибших и поставить им памятник.

Запасшись нужными при поездке документами, я двинулась в путь, заранее зная, что это будет нелегкий путь.

Большинство пассажиров в поездах были люди, которые ездили в определенные места, и на ценности или необходимые вещи, такие, как материал-ткань, обувь и подобное, выменивали продукты питания. Многие специально этим занимались.

Несколько раз в разных зонах полиция останавливала поезд в степи, приказывала всем выйти из поезда с чемоданами и раскрыть их. Те люди, которые везли запрещенные продукты, как, например, сало и другие, выходили из поезда, оставив свои чемоданы в поезде, — они все теряли, так как полиция конфисковала эти чемоданы, но все же этот выход был лучше, чем арест.

Наконец я доехала до места своего назначения, остановилась в гостинице и на другой день рано утром пошла на кладбище. Могилки были вновь насыпанными холмиками, заросшими сорной травой.

Долго мне не хотелось уходить от могилок, вспоминалось все хорошее прошлое, как тогда думала, что в будущем еще лучше будет — оказалось, — лучшее — это было тогда.

После полудня я пошла к скульптору заказать памятник. К сожалению, хотя 2000 марок были как бы большой суммой, но на эти деньги я могла заказать только резные деревянные кресты с надписями, цементированную ограду и красивые,

всегда зеленые насаждения. Через 3 дня я выехала домой, и несмотря на мое разочарование, что я не смогла поставить красивого памятника, я все же более или менее была довольна тем, что могилки примут опрятный вид и будет уход за ними в течение пяти лет.

Домой я вернулась благополучно, а в лагере за время моего отсутствия произошли изменения.

После окончания войны в Западной Германии во всех зонах были организованы лагеря беженцев разных национальностей, конечно, в соответствии с достаточным количеством людей определенной национальности. Невдалеке от польского лагеря, в котором мы жили, был организован украинский лагерь, и все украинцы из польского лагеря должны были переселиться туда, также и мы. Прошло еще полгода, и в лагере стали поговаривать, что через месяц-два начнется эмиграция за границу, — в конторе делали предварительные записи на эмиграцию.

В Англию могли ехать только одинокие или семейные-бездетные. Австралия, кроме одиноких, принимала тех семейных, у кого был только один ребенок. Бразилия принимала и многосемейных. В Америку и Канаду пока еще записи не производились. Эти записи на эмиграцию ускорили мое решение выйти замуж. На первый взгляд у нас с Павлом было мало общего, но его предприимчивость мне импонировала.

До этого времени Павел был, что называется, гол и бос. Во время войны, когда он работал на заводе и завод бомбили, все рабочие укрывались в бункере. В один из таких дней, когда они после бомбежки вышли из бункера, оказалось, что на завод были сброшены фугасные бомбы. Завод не пострадал, а сгорел барак, в котором жили рабочие, и в нем сгорели все их вещи. Тогда Павел потерял абсолютно все, — остался в своей рабочей спецовке. После войны, живя в лагере, он кое-что из содержимого своей канадской посылки обменял у немцев на нитки, из которых сплел рыболовную сетку, которой ловил рыбу в канале, а рыбу обменивал у немцев на необходимые ему вещи. Благодаря этой сетке и рыбке Павел снова был одет и обут, и я подумала, что вот такой предприимчивый человек будет хорошим жизненным другом в эмиграции. В то время мы абсолютно не знали, что ждет нас в эмиграции, я и не мечтала, что впоследствии, попав в Австралию, мы через три года, правда, тяжелого, труда будем иметь свою собственную небольшую куриную ферму и новую автомашину, и впло-

следствии не было дня, чтобы я не благодарила в душе правительство Австралии за хорошее отношение к эмигрантам.

Павел и я зарегистрировали наш брак в бюро регистрации браков, и вся наша семья подала прошение на запись на эмиграцию в Австралию. Нам хотелось побольше узнать о стране, в которую мы решили эмигрировать, но, к сожалению, в то время мы не могли достать ни одной брошюры об Австралии, и еще мы очень жалели, что, пробыв довольно долгое время в лагере и имея много свободного времени, не имели возможности учиться английскому языку; не было книг, не было учителей. Только за 2-3 месяца до выезда в нашем лагере организовали занятия по изучению английского языка. Все записанные на эмиграцию в Австралию прошли две медицинские комиссии, несколько человек не прошли по здоровью. Одному сказали, что цвет его кожи (очень белый) не подходит к климату Австралии. Мы тогда удивились этому мотиву отказа, но впоследствии, пожив в северной части Австралии, поняли, что доктор был прав, — люди с особо светлой кожей там более подвержены заболеванию раком кожи.

Все прошедшие медицинскую комиссию, в том числе и мы, выехали в переходной лагерь в портовый город Бремер-Гафен, куда съезжались эмигранты со всех зон Западной Германии.

Оттуда 20 марта 1948 года на большом военном американском пароходе "Генерал Блек" мы выехали в Австралию.

Могилка матери и мужа

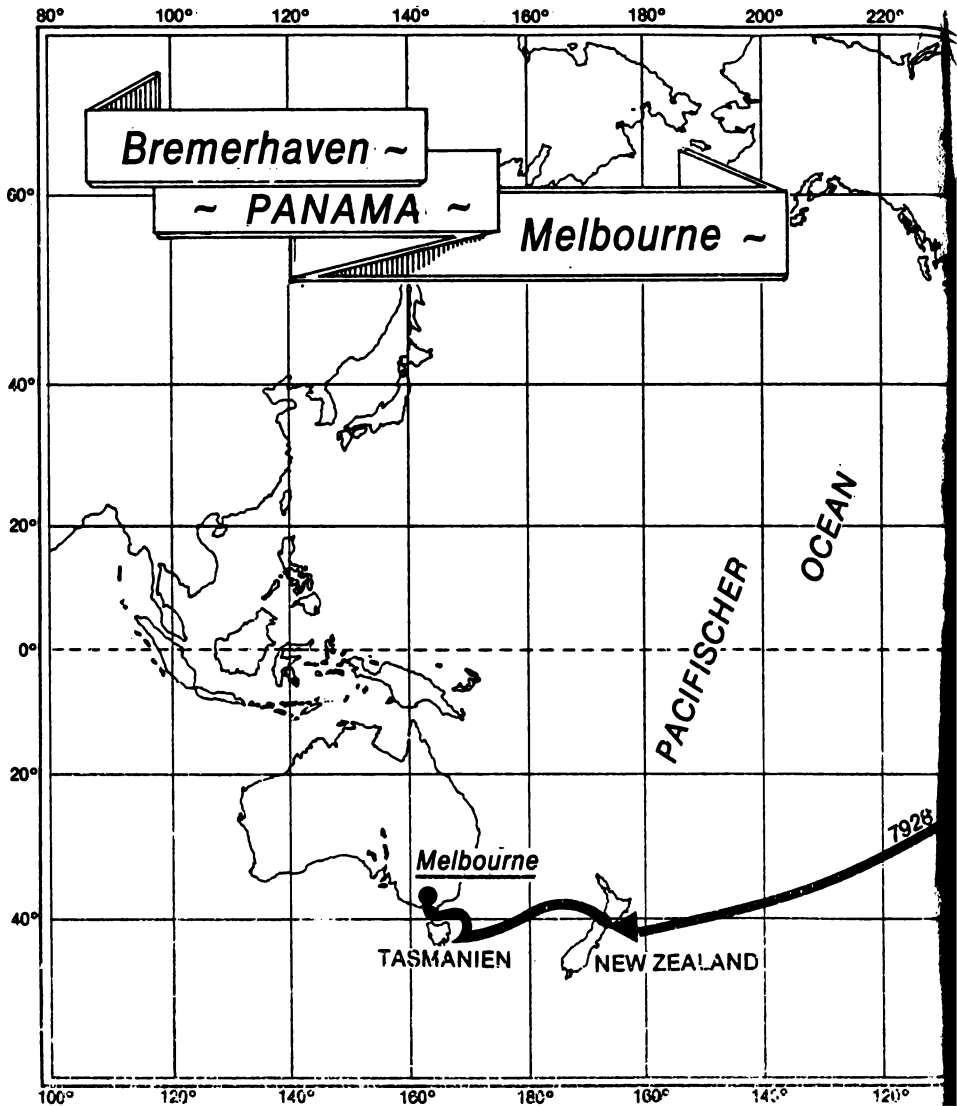

Жора в 1942 г.

Люси в 1946 г.

Bremerhaven ~

~ PANAMA ~

Melbourne ~

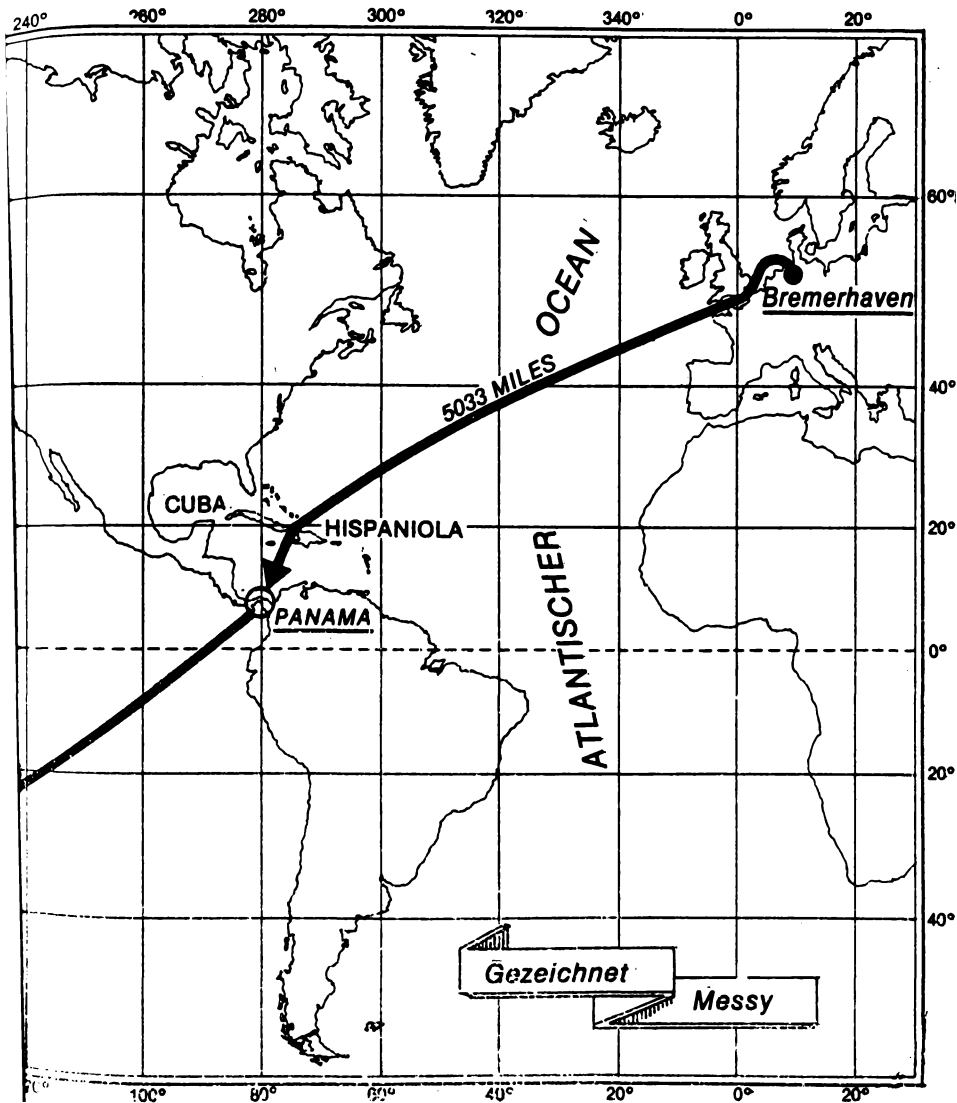
Melbourne

TASMANIEN

NEW ZEALAND

PACIFISCHER OCEAN

7928

АВСТРАЛИЯ

Американский пароход "Генерал Блэк", на котором 20.3.1948 года мы из Германии эмигрировали в Австралию, был военным пароходом и вмещал 3000 солдат; сейчас на нем ехало около 1300 эмигрантов, — поляки, украинцы, русские, латыши, литовцы, эстонцы и многие другие национальности.

Женщин поместили в первый трюм, мужчин во второй, матерям с детьми дали отдельные каютки. Кормили нас очень хорошо, — в столовой мы подходили к прилавку с подносом и могли выбрать себе блюда по вкусу.

Но что особенно поразило нас — у входа в столовую с большой корзиной полной апельсинов сидел пожилой негр, наружности точно такой, как я себе представляла дядю Тома, прочтя в детстве повесть Н. Бичер-Стоу "Хижина дяди Тома".

Он с улыбкой давал нам всем по громадному апельсину, и мы, как дети, не сводили с него глаз, так как многие из нас до этого времени эту расу не видели.

Управление парохода, созвав всех эмигрантов на собрание, предложило каждой национальности выбрать своего старосту. Украинцы на своем совещании единогласным голосованием выбрали своим старостой Алексея.

Приблизительно раз в неделю на пароходе показывали кинофильмы, затем нашлись и среди пассажиров довольно хорошие артисты и стали организовывать вечера самодеятельности. Помню одно выступление, которое особенно всем понравилось — три женщины в шляпках и длинных юбках пели одна за другой довольно долго и очень хорошо. Они как бы закончили петь, поклонились публике, а голос (это была пластинка) продолжал петь, затем с них упали юбки, и перед нами оказались три матроса в брюках, которые получили гром аплодисментов.

Вскоре эмигранты стали издавать свой довольно интересный ежедневный бюллетень "Новости". Он издавался на немецком языке, которым владело большинство эмигрантов.

Все было хорошо за исключением того, что я очень плохо

переносила морскую болезнь, и это не позволяло мне получить полное удовольствие от этой замечательной поездки.

В это время было беспокойно в Суэцком канале, и наш пароход поехал в Австралию через Панамский канал. Было очень интересно наблюдать, как резервуар за резервуаром наполнялись водой, и пароход проходил по каналу. С парохода нам были видны дома местных жителей, которые были на высоких столбах. Такого строения домов нам до этого времени не приходилось видеть, и мы все высказывали предположения, для чего дома поставлены на высокие столбы, то ли от дождей, то ли от змей, или от чего другого.

Когда мы пересекали экватор, на пароходе устроили праздник Нептуна, и несколько жертв были окунуты в большую бочку с водой. Все это было очень занимательно для нас, и все веселились от души.

Вблизи Австралии небольшой пароходик подошел к нашему пароходу и затем все время шел впереди нас. Он был нашим путеводителем, так как были опасные места для такого большого парохода как "Генерал Блэк".

Наконец, 26 апреля 1948 года после 36-дневного путешествия по воде мы приехали в Австралию в портовый город Мельбурн.

Два дня мы еще находились на пароходе, и приятным сюрпризом для нас было то, что два представителя русского общества в Австралии приехали специально из Брисбена и Сиднея встретить нас и рассказать о жизни в Австралии, с их стороны это была большая услуга для нас. Вопросы сыпались на них в течение нескольких часов — со всех сторон, от эмигрантов разных национальностей, говорящих по-русски или по-английски.

Я была уверена, что эти два добрых человека никогда с работы не приходили домой более уставшими, чем когда они сошли с парохода в этот день; а мы все были им очень благодарны. На третий день утром нас со всеми нашими вещами погрузили в поезд и повезли в город Албурн, находящийся недалеко от Мельбурна, а затем уже на автомашинах в бывший военный лагерь "Бонегилла", находящийся вблизи Албурна. Мы все были очень рады, что закончилось наше морское путешествие, и мы уже на суше и в Австралии.

Австралия всем нравилась; все свободное время, а его было много, мы ходили по окрестностям и восхищались ви-

дами. Также мы посещали организованные при лагере курсы по изучению английского языка. Как и на пароходе, раз в неделю нам выдавали на мелкие расходы по 5 шиллингов на человека. Однажды, перерасходовав свой бюджет и вынуженная из своей денежной коллекции монет один английский шиллинг 1911 года купила на него в фруктовой лавочке 3 больших яблока. Я была довольна, надеюсь, — продавец тоже.

Завтракать обедать и ужинать мы ходили в столовую при лагере — кормили нас сытно и вкусно.

Нам объявили, что за бесплатный проезд и заботу о нас первые два года мы не можем сами устраиваться на работу, и должны работать там, где в настоящее время требовались работники; но впоследствии, должна сказать, этого постановления сособо строго не придерживались.

Через неделю квалифицированные эмигранты стали выезжать на работу в различные города Австралии. Павел не имел особой квалификации, требуемой в Австралии. На родине первое время своей служебной деятельности он работал в магазине своего отца, а когда отец ликвидировал свой магазин, Павел продолжал работать в торговой отрасли, но уже в государственных магазинах.

В конторе лагеря стали проводить запись желающих ехать на рубку тростника, объясняли, что работа очень тяжелая, но хорошо оплачивается.

Обсудив этот вопрос, Павел и Алексей решили записаться на рубку тростника, также записалось много молодежи. Всех разбили на бригады по национальностям, назначив в каждую бригаду пару семейных, — мужа бригадиром, жену — поваром. Нам также дали бригаду из 9 украинцев, почти все были молодые, не достигшие 20-летнего возраста, которые еще подростками были принудительно забраны немцами на работу в Германию.

Через три недели, хорошо отдохнув после утомительного путешествия, мы снова собрались в дорогу, и, получив проездные билеты по железной дороге и небольшую сумму денег на расходы в дороге, выехали на работу — на север Австралии.

Наш путь был через Сидней, куда мы приехали утром, и так как следующий поезд, идущий на север, отходил вечером, мы пошли в город. Шли всей группой, так как только двое из нас говорили по-английски и мы боялись заблудиться в большом городе. В обеденное время мы все пошли в ближайший ре-

сторон, где обед был заранее заказан для всех нас.

После обеда, также всей группой, пошли в "Таронга Зоологический парк", который всем нам очень понравился. Многих зверей, животных, пресмыкающихся и птиц там я увидела впервые. Кроме того, очень понравилось красивое оформление зоологического парка.

Вечером мы выехали в Брисбен, где по приезде, на следующее утро, отдыхали целые сутки в эмигрантском центре.

На вокзал вышли нас встретить члены славянской баптистской церкви А. А. и Г. Н. Березовы, Л. И. и М. Ковалевы, они принесли с собою много апельсинов и всех угощали.

Сейчас, возможно, трудно себе представить, как подняла наше настроение встреча в Австралии с людьми, с которыми мы могли поговорить на своем родном языке. Снова у нас всех нашлось много вопросов, на которые они охотно давали нам удовлетворяющие нас ответы; кроме того, — они давали нам еще полезные советы насчет работы, питания в жарком климате, куда мы ехали.

Чета Березовых и впоследствии много помогала новым эмигрантам разной национальности. Если кому-нибудь из эмигрантов нужна была помощь найти работу и на первое время жилище, — они обращались к Березовым, у которых получали радушный прием, на первое время жилище, и часто — материальную помощь. Г. Н. Березов ходил с ними как переводчик в нужные им учреждения. Я уверена, что многие вспоминают Березовых с благодарностью за их бескорыстное, всегда готовое желание помочь всем, кто нуждался в их помощи.

Наш путь поездом на север Австралии был долгим и утомительным, так как мы не имели спальных вагонов и во все время сидели, но мы все были молоды, полны энергии и уверенности, что завоевать себе место в жизни, в новой стране, — не будет легко. Так что — не жаловались.

Наш конечный пункт был город Кернс, но уже далеко не доезжая Кернса бригады сходили на разных станциях, где их встречали фермера-владельцы тростниковых плантаций, на которые они были предназначены. Наша бригада должна была сойти в городе Иннисфаил.

На вокзале нас встретил фермер, к которому мы были определены, и повез на свою плантацию, которая находилась в семи милях от города.

Дом фермера, где он жил со своей семьей, находился тут же, на плантации. Невдалеке находился домик-барак для руб-

щиков тростника, состоявший из трех спален и большой столовой-кухни.

Жена фермера пригласила меня и Павла к ним на ужин, была очень любезна, предложила мне практиковаться на их пианино, чем впоследствии я иногда и пользовалась. Также они мне объяснили предстоящие проблемы питания: что хлеб привозят на ферму ежедневно, а мясо только два раза в неделю; плита дровяная, рефрижератора нет в нашем домике, мясо я могу приносить и держать в их рефрижераторе.

На другой день утром фермер повез всех нас в город, — меня и Павла, — сделать продуктовые покупки, остальные тоже выразили желание поехать посмотреть город, так как со следующего дня уже приступали к рубке тростника.

Часть плантации, назначенная на срубку, поздно вечером поджигается, но очень умело и осторожно, учитывалось направление ветра, чтобы не загорелась соседняя плантация, еще не готовая к рубке. Впоследствии нам пришлось услышать, что при неумелом поджоге бывали и людские жертвы. При поджоге зеленый ствол тростника не сгорал, сгорали только нижние сухие листья, что облегчало рубку тростника, а также избавляло от встречи со змеей. С наступлением вечера вся бригада, захватив с собой мешки, чтобы ими в случае надобности тушить огонь, под руководством фермера пошла и спалила часть плантации, назначенную на срубку на завтрашний день.

Был июнь месяц, и хотя в Австралии этот месяц считается зимним месяцем, все же в северной части Австралии было жарко, в особенности для нас — европейцев, поэтому на работу выходили рано, в 5-6 часов утра, и мне, чтобы приготовить к этому времени довольно солидный завтрак, нужно было встать еще раньше. Кроме того, я должна была приготовить им чай и бутерброды с собой, — на второй завтрак, в 10 часов.

После ухода бригады на работу я имела возможность отдохнуть, но не долго, — на обед в 12 часов бригада приходила домой, и обед всегда состоял из трех блюд, так как, как я уже упоминала, рубка тростника — очень тяжелая работа, требующая хорошего питания.

Наша бригада, почти вся состоявшая из молодежи, после нескольких лет полуголодного существования в Германии не страдала недостатком аппетита.

Сварив ко времени и обед и услышав голоса, я вышла встретить их и, о ужас,.. я должна была сесть на стул от нео-

жиданности: в таком виде увидеть их я не ожидала. Лица были покрыты сажей, так что только одни глаза выделялись; в детстве такого вида я представляла себе чертей.

Оптимизм — хорошая черта человека — часто помогает легко переносить трудности жизни. Так было и в этом случае. Мы посмеялись. Помывшись, они с аппетитом пообедали, часок отдохнули и снова пошли на работу, снова захватив с собою в биликене приготовленный для них чай и испеченный мною кэк.

В 6 часов вечера они кончали работу, купались в примитивном устроенном во дворе душе. Этот душ состоял из большого бака, стоявшего во дворе на четырех высоких столбах. Вода посредством помпы поступала туда из колодца и нагревалась солнцем. К этому времени на столе их уже ожидал сытный ужин.

Мне пришлось очень много работать. Я не имела отдыха ни в субботу, ни в воскресенье. Еще совсем плохо было — от забот, многочасовой работы и жары я совсем потеряла аппетит, сразу потеряла одну стону в весе, и знакомые с парохода, которых я встречала в городе во время закупок продуктов, спрашивали меня, не больна ли я.

То, что я работала долгие часы, субботу и воскресенье — учитывалось, и я получала заработную плату равную рубщикам тростника. На тростниковой мельнице, куда свозился тростник по узкоколейке, всю выработку бригады делили на количество рубщиков плюс меня.

Я работала много, но мой труд хорошо оплачивался; кроме того, для меня еще было хорошо, что сезон рубки тростника длится только 6-7 месяцев и заканчивается в начале декабря.

Нам всем все понравилось в Австралии, все было так ново для нас, природа, другие обычаи. Возле нашего домика росло мандаринное дерево, на нем была такая масса фруктов, что не было видно листьев. Фермер отдал это дерево в наше пользование, но мы и половины фруктов не смогли съесть.

Было много новых для нас разновидностей птиц, масса пестрой расцветки попугаев. Долгое время, слыша крик цып-цып-цып, я думала, что недалеко мы имеем соседей, так как у нас дома таким звуком сзывали цыплят. Впоследствии я узнала, что близких соседей мы не имеем, а это кричала какая-то птица.

Однажды в воскресенье мы почти все пошли кратчайшим путем через лес в город. Нам нужно было пройти через чью-то ферму, на территории которой был пруд, но, как видно, очень тинистый. Метрах в двух от берега в воде стоял громадный бык, его, как видно, засосала тина, только голова с большими рогами торчала из воды, а выражение глаз его трудно было бы описать.

Как мы ни стучали в дверь дома фермера, никто не отозвался — никого не было дома. Тогда мы пошли к соседнему фермеру, который, к счастью, оказался дома, и попросили его передать хозяину быка, в какую беду тот попал. Через некоторое время мы узнали, что быка удалось спасти, — цепями захватили его за рога и при помощи трактора вытащили его из тины.

У нашего фермера было 4 лошади и 2 коровы. Каждое утро мы получали от него бесплатно биликень, свежего молока.

Лошадки регулярно, в одно и то же время, два раза в день выстраивались в ряд перед нашей верандой и всегда в одном и том же порядке: впереди самая большая, сильная лошадь, за нею — послабее, и в конце — маленькая пони. Они получали от меня по краюшке хлеба в рот, и сейчас же отходили, уступая место следующей.

Каждый день я брала у пекаря 6-7 хлебов; за все годы войны мы не только не ели белого хлеба, но и не видели его, и сейчас все ели много, как бы наверстывая потерянное, но никто не хотел есть краюшки хлеба, которых за день собиралось довольно много, и их съедали лошадки, конечно, с удовольствием.

Существует несколько поговорок, определяющих одну и ту же ситуацию, как, например, — "семья не без уроды", "черная овца в белом стаде" и подобные другие.

В нашей бригаде был один человек, — назову его Макарем, — он был, как есть выражение, — "не первой молодости" — ему было лет за тридцать, и в Германии у него остались жена и маленькая дочь, которых он мог выписать в Австралию только тогда, когда устроится на постоянную работу и обзаведется квартирой.

Почему-то он считал себя умнее всех, что не оказалось впоследствии; всегда, когда бригада шла на работу, он был позади всех. Когда шли с работы — всегда был впереди.

Однажды в воскресенье случайно я услышала разговор за стеной. Макар говорил нашему самому отчаянному верховоду, что ему не нравится, что чайные эмалированные кружки не чистятся каждый день, и что ему не нравится, как я готовлю, на что тот ему ответил, что ему нравится.

Вскоро Макар все же добился своего — не рубить тростник, а работать поваром. В одну из пятниц самый молодой из нашей бригады сообщил мне, что со следующей недели им будет готовить Макар.

Я не знала — печалиться мне, что я потеряла хороший заработок, или радоваться, что избавилась от тяжелой работы.

Со следующей недели стал готовить Макар. Понедельник прошел у него не плохо, а во вторник, когда все пришли на обед, он сидел во дворе со всеми кружками вокруг себя, и чистил их, забыв про обед.

Фермер, видя мое не совсем хорошее создавшееся положение, сказал мне и Павлу, что он на своей плантации имеет еще бунгало, состоящее из спальни и кухни, и если мы желаем, то можем туда переселиться. Мы с благодарностью приняли его предложение. Бунгало находилось на возвышенном месте, и нам оно очень понравилось.

Прошла неделя, я наслаждалась своим отдыхом, а в воскресенье утром мы услышали странный звон, доходивший до нас со стороны жилья нашей бригады. Мы посмотрели туда и увидели довольно занимательную картину. У барака стоял маленький трачек, и Макар грузил на него свои вещи, а несколько человек из бригады стояли вокруг и били чем-то металлическим в сковороды.

После обеда к нам пришла от бригады делегация из трех человек, просить меня снова им готовить. Павел, еще не отойдя от обиды, отказал им, сказав, что теперь они должны сами себе готовить. Я же, немного поразмыслив о том, что я приехала сюда заработать деньги, и что целый день сидеть в бунгало без дела — тоже не доставит большого удовольствия, согласилась снова им готовить.

Прежде чем перейти к рассказу о следующем этапе нашей жизни в Австралии, мне все же хочется замолвить и доброе слово о Макаре.

Как мы все, наряду с хорошими чертами нашего характера имеем и плохие, наряду с плохими имеем и хорошие. Таков был и Макар. Он оказался не совсем хорошим товарищем, но, как видно из следующего, он был хорошим семьянином.

Как-то в субботу, купив в городе два больших кэйка, он в воскресенье, в 3 часа дня, растопив нашу дровяную плиту и вскипятив большой чугунный чайник, пригласил всех нас на чашку чая с кэйками — отпраздновать день рождения его маленькой дочери, находящейся в Германии.

Я регулярно переписывалась со своей сестрой. Она писала мне, что они со своей бригадой начали рубку тростника в окрестностях городка Чилдерс, и что там не так уж жарко, как в тех местах, куда мы попали. Еще писала, что недалеко от фермы, где они помещались, находилась тростниковая ферма русского старожилы И. Ф. Федорова, который два года тому назад потерял жену, а дети уже давно разъехались по местам своей службы, и он, чтобы развеять свое одиночество, каждое воскресенье приезжал к ним, чему они были очень рады, так как Федоров оказался очень приятным собеседником и хорошим человеком.

Подошел декабрь месяц — конец сезона рубки тростника, и сестра, узнав, что я плохо переношу жаркий климат, написала, чтобы мы приехали к ним, приложив официальное письмо Федорова, в котором он писал, что имеет для нас работу и квартиру. В небольшом городе Иннисфаил после рубки тростника работы для нас не оказалось, и мы получили разрешение на выезд в Чилдерс. Мы с радостью опять двинулись в путь, интересуясь узнать, что день грядущий нам готовит, но все же мы чувствовали себя уже более солидно. Каждый за сезон заработал почти 200 фунтов.

Наша встреча была очень радостной, конечно, встречал и И. Ф. Федоров. Он стал нам как бы нашим отцом и руководителем. Было рождественское время. Фермера отдыхали; также и мы. Однажды в воскресенье Федоров приехал к нам с интересной для нас новостью, что в четырех милях от Чилдерса продается за 550 фунтов хороший дом с десятью акрами земли и двумя коровами, и если мы желаем, то он повезет нас посмотреть его, на что мы, конечно, с радостью согласились. Нам очень понравились дом и усадьба, и хотя в то время в той местности еще не было электричества и водопровода, на семейном совещании мы решили купить усадьбу совместно. Немедля оформили документы и сейчас же переехали. Мебели у нас

почти не было; было две железных кровати, которые оставил в доме предыдущий хозяин, стол дал Федоров, две табуретки нашли под домом, да несколько деревянных ящиков, которые первое время служили нам стульями.

Трудно описать, как мы себя чувствовали, как радовались, — после нескольких лет скитаний мы имеем собственный дом. С радостью мы приводили дом в порядок, на фронте дома делали клумбы для цветов, на усадьбе копали грядки для овощей. Вскоре мы обзавелись необходимой мебелью, конечно, купленной в магазине подержанных вещей.

Павел и Алексей решили построить на усадьбе сарай и организовать куриную ферму.

Наши соседи относились к нам лучше, чем хорошо, например, Э. Хюме со своей семьей иногда засиживался у нас до 11-ти часов вечера, рассказывая нам о куроведении, в чем он имел опыт, так как его родители имели куриную ферму, сам же он работал у Сити Консил.

Увидев, что мы уже начали постройку сарая для кур в неправильном направлении, он дал нам очень полезный совет, — поставить глухую стену курятника в том направлении, откуда чаще дует ветер.

Когда мы вскопали довольно большую площадь для огорода, то на следующее утро нашли там табличку — какие овощи, в какое время года нужно сажать. Спасибо вам, добрые соседи

Наступил июль месяц; Павел и Алексей приступили ко второму сезону рубки тростника.

К этому времени постройка сарая уже была закончена, и в августе месяце мы купили 500 штук однодневных цыплят.

Купив цыплят, Павел и Алексей вскопали более акра земли-целины и посадили на ней кукурузу, которой намеревались в будущем подкармливать кур. Когда кукуруза взошла, и они ее пропололи, то Алексей, любивший порядок в каждом деле, немедленно подсчитал, сколько початков кукурузы будет на каждом стволе и сколько початков соберут со всей плантации. Прошло несколько месяцев, в течение которых они несколько раз пропалывали и подсапывали плантацию, но когда пришло время собирать урожай, ни одного початка кукурузы на стволах не оказалось, земля была слишком бедна. Но все же отчас-

ти труд не пропал напрасно, наши коровки съели листья и стволы кукурузы с удовольствием.

К сожалению, и с нашими цыплятами результат был довольно малоудовлетворительный.

Хотя мы и уделяли им много внимания, опыта у нас не было; главное — не было брудеров, специальных обогревателей для цыплят. Поэтому через 5-6 месяцев, когда пришло время носки яиц, у нас осталась только половина купленного количества. Впоследствии мы приобрели опыт и довели падеж до минимума.

Также получилось у нас и с огородом; первый сезон мы урожая не имели, так как земля на нашей усадьбе была плохая, но затем, все время удобряя ее, мы добились таких хороших результатов, что нас спрашивали, не привезли ли мы семена овощей из Европы.

Настроение у нас было дружное и хорошее, никогда не было неполадок, все трудились и радовались каждому успеху. По воскресеньям Павел и Алексей выходили работать на наш огород в старых дамских шляпках; причем одевали их задом наперед, чтобы банты были впереди. Нам было смешно смотреть на них, а им, наверное, доставляло удовольствие смешить нас.

В сентябре месяце Люсе купили велосипед, и она стала ездить в школу в Чилдерс, ей было уже одиннадцать лет, и хотя она уже бегло говорила по-английски, по остальным предметам она не была достаточно подготовлена. Приезжая из школы, она рассказывала нам, что ее учительница уделяет ей много времени, и к концу года она была подготовлена наравне с остальными учениками. Ее подруга — дочь нашего соседа — брала уроки игры на пианино. Люси тоже изъявила желание учиться. Тогда другая соседка любезно предложила ей практиковаться на ее пианино.

Каждое воскресенье наш дом был полон гостей, которым мы были очень рады, так как тогда все еще по-английски мы были малограмотны, так что газет и книг не читали, радио не имели; так что питались только устными новостями. Гостями нашими были молодежь, приехавшая вместе с нами, которая рубила тростник в окрестностях Чилдерса. Конечно, в то время основная тема разговора была о тростнике — какая плата, какая прибавка, если каменистая почва, так как тогда нужно было больше тратить времени на заточку ножей. Также

рассказывали, какие кто получил новости из переписки с друзьями, которые устроились на работу в городах.

Федоров рассказывал нам, какая большая безработица и нужда были в Австралии в годы депрессии, и какие мы счастливые, что приехали в Австралию в то время, когда во многих отраслях требовались рабочие руки.

Лично он, когда приехал в Австралию из России в 1912 году, жил с молодой семьей в палатке на целине, и мясо кенгуру было их основной пищей.

Из всех рассказов запомнился мне рассказ Алексея о его дяде Захаре (мне кажется, Алексей в этом случае был его двойником). Дядя Захар с большой неохотой резал домашнюю птицу. Однажды под праздник Рождества его жена попросила его зарезать гуся. В этот день у него совсем не было желания резать птицу, но все же он не мог отказать жене в просьбе: положил гуся на колоду, придержал голову пальцами, закрыл глаза и взмахнул топором. Вместе с головой гуся отлетели и два кончика пальцев дяди Захара. Конечно, после этого случая он уже навсегда был избавлен от этого неприятного дела. Еще запомнился мне рассказ Павла.

Их семья состояла из отца, матери, двух сыновей и бабушки, которая заведовала кухней, так как они имели собственный магазин, где мать была занята почти весь день. Бабушка рано утром вставала, как говорится, "с петухами", — это после того, как они пропоят в 3 часа ночи. Однажды в зимнюю пору, рано утром, когда на дворе было еще темно, она, приготовив завтрак, позвала всю семью завтракать. Позавтракав, они все остались сидеть за столом, дожидаясь рассвета. Прошел час времени, а рассвет все еще не наступал, тогда кто-то из семьи догадался посмотреть на часы. Был один час ночи. Петухи, как и всегда, пропели в 12 часов ночи, но бабушка подумала, что это второй их запев, в 3 часа ночи. Ничего другого семье не оставалось делать, как снова лечь спать, возможно, с мыслью, что часы все же — необходимая вещь в хозяйстве.

Каждое воскресенье рано утром я и сестра, готовясь к приему гостей, варили в большой (специально купленной для этих приемов) — кастрюле борщ. Для приготовления борща мы покупали только суповое мясо, а большинство овощей было со своего огорода. Затем готовили вареники с начинкой из картофеля, капусты или шелковицы; наша любимая начинка, творог, в то время еще не продавалась в магазинах. Не помню, чтобы тогда при разговоре кто-нибудь высказывал какое-ни-

будь недовольство, у всех было одно стремление акклиматизироваться в новой стране, заработать как можно больше, истратить как можно меньше, чтобы поскорее собрать необходимые деньги на депозит дома. Не помню случая, чтобы я с сестрой получили от гостей какой-нибудь маленький подарок-внимание, как пакет бисквитов или шоколад, — наши гости были уверены, что они своим присутствием доставляют удовольствие всем жителям дома, что в действительности и было.

Даже один из гостей как-то сказал нам: "У вас две сковородки, а у меня ни одной, дайте мне одну". И мы дали. Была бы такая просьба теперь, я уверена — ответ был бы другой, но тогда, живя уже в собственном доме, мы чувствовали себя людьми, как говорится, с достатком, и непрочь были кое-чем поделиться и с другими.

И. Ф. Федоров также всегда по воскресеньям приезжал к нам, и все радовались его появлению; кроме того, он ставил на стол одну-две бутылочки вина, и это еще больше оживляло компанию.

В одно из воскресений он приехал к нам с молодой собачкой, размером и расцветкой похожей на австралийскую дикую собаку динго.

Когда Федоров уехал и собаки с собой не взял, мы посмотрели друг на друга и сказали: "Зачем нам собака?"

Как мы были неправы! Как впоследствии эта собака была нам необходима, как мы все ее любили и ценили. Бансик, как мы его прозвали, переименовав его кличку Баунс, оказался очень умной, ласковой собачкой и замечательным сторожем кур. У соседей было 11 кур, и все 11 кур утащила лисица, у нас же за все шесть лет ведения фермы лисица не смогла утащить ни одной!

Было у нас три черных с белыми мордочками кошки — Жуся, Пуся и Туся, и сын одной из них — чисто белый, с одним голубым глазом, другим — зеленым, — но глухой кот.

Как же Банс над ними всеми издевался, — поймав под домом (дом стоял на высоких столбах), где мы хранили корм для кур, мышь, он, убив ее, клал в стороне, а сам делал вид, что спит, но только кошка начинала красться к мышке, он моментально вскакивал и отгонял ее; эту игру он мог проделывать часами.

Но были у него занятия и посерьезнее. Если мы видели Банса, прыгающего в высокой траве, то это он боролся со змеею. Он ждал момента, когда мог схватить ее посередине хреб-

**Наша бригада на рубке тростника
Павел – первый справа.**

**Справа Алексей, сестра и Люси с нашими друзьями
и наша собачка Банси**

**На выставке в Чилдерс с приятельницей
и ее маленькой дочерью**

та. Затем он трепал ее, пока хребет не был переломлен и змея не была обезврежена.

Однажды сестре и мне удалось убить змею, и довольно большую. Это было в полдень. Мужчины были на работе, на рубке тростника; девочка — в школе. Идя в курятник, мы заметили, что все куры смотрят в одну сторону. Посмотрели и мы в ту сторону и увидели возле курятника змею длиной около пяти футов. Змея медленно ползла, и мы, также как и куры, стали, не отводя глаз, следить за нею. Сестра первая очнулась от этого неожиданного явления и сказала, что мы должны убить ее, так как вечером она может спрятаться в высокой траве и укусить кого-нибудь из нашей семьи.

Она ушла за палкой, а я осталась следить за змеею. Когда сестра нашла подходящую палку, я встала впереди змеи на расстоянии приблизительно двух метров, чтобы она все свое внимание обратила на меня, а сестра зашла со стороны и ударила змею в середину хребта и убила. Долго эта змея висела у нас на заборе, и мы с сестрой перед нашими знакомыми хвалились нашей доблестью.

Часто на велосипеде мы ездили в Чилдерс за покупками. Дорога в Чилдерс подымалась в гору, так что обратный путь с грузом был легче. Однажды, на обратном пути, ехав с горы, я увидела, что дорогу переползает длинная тонкая змея, и я неминуемо должна наехать на нее, так как свернуть было некуда, по обеим сторонам дороги были рвы. Подъезжая, я только подняла ноги с педалей. На змею я не наехала — она переползла дорогу все же скорее, чем я предположила. Австралийцы нам рассказывали, что хотя в Австралии водятся змеи, укусы змеей человека редки, а смертельные случаи от укуса змеи — еще реже. Чаще змея, увидев человека, моментально уползает, и только когда человек нападает и у нее безвыходное положение, тогда — обороняется. И только на далеком севере Австралии водятся змеи, называемые змея-тигр, которые нападают на человека.

Так как мы слабо владели английским языком, и произношение у нас было плохое, у нас было немало курьезов. И о некоторых из них мне также хочется написать.

Раз в неделю к нам на ферму приезжал из Чилдерса приказчик продуктового магазина, записать заказ на продукты, которые привозил на следующий день. Заказав два фунта масла (two butter) мне привозили табак, заказав соль (salt) получала

мыло (soap) и тому подобные маленькие недоразумения, которые все же были ощутимы в повседневном хозяйстве.

Часто на ферму приезжали окрестные жители и покупали кур и яички. Видя, что мы — новые австралийцы, спрашивали нас, как давно мы в Австралии, какой религии. Что отличительно, что когда во время войны мы приехали в Германию, первый вопрос, который там нам задавали местные жители, был — откуда вы (von wo kommen sie her?), в Австралии же почти всегда первый вопрос, который нам задавали австралийцы, был — как вам нравится Австралия? (how do you like Australia), на что мы отвечали, что нам очень здесь нравится, и всегда по выражению их лица было видно, что они рады нашему положительному ответу.

Как-то на ферму приехал один господин довольно представительной наружности, он что-то спросил меня, но что, — я не поняла. Послышалось слово "пресвитериан", и я подумала, что он спрашивает о нашей религии и ответила ему, "нет, мы православной религии. Он с большим удивлением посмотрел на меня и обратился к подошедшему Павлу со словами: "Не интересуетесь ли вы покупкой материала на платье (дрессматериум)?"

Материалы на платья я и сестра купили, и этот господин, уезжая, сказал нам, что ему нравятся новые австралийцы.

Как-то утром, встав, я почувствовала, что плохо владею правой рукой и ногой, на другой день то же случилось с левой рукой и ногой. На третий день Павел повез меня в город Бандеберг в госпиталь, где врачи признали, что у меня в сильной форме ревматик февер и сказали Павлу, что очень возможно, что я не выдержу, в лучшем случае я не выйду из госпиталя раньше, чем через шесть месяцев.

В госпитале все хорошо относились ко мне. Но мое незнание английского языка очень усложнило мое пребывание там. Но что было хорошо, уже после двух месяцев (не шести, как предполагал доктор), меня уже выписали из госпиталя.

Мое более быстрое выздоровление доктор объяснил тем, что у людей, приехавших из Европы, более холодного климата, организм крепче..

В декабре закончился сезон рубки тростника, и так как на ферме автомашина необходима, мы купили новую машину Вангард-ютилити светло-серого цвета. Конечно, красивее нашей машины не было, и радости было много. Наступили праздники Рождества, но первые годы так странно было для нас

праздновать Рождество не зимой, когда все вокруг покрыто снегом, а в жару 30 градусов по Цельсию.

Очень многие жители Австралии празднуют Рождество на берегу океана, и дети, а также и взрослые, получают большое удовольствие, купаясь в прохладной воде в эти жаркие дни.

Второй день Рождества мы также решили провести на берегу океана, который находился приблизительно в 20 милях от Чилдерса. Нам хотелось пригласить поехать с нами всех наших друзей, которые еще не имели автомашины, но пришлось ограничиться только одиннадцатью, но и эти одиннадцать человек машина не выдержала, и по дороге нам пришлось сменить колесо. Хорошо, что было запасное, и хорошо, что среди нас был механик — Алексей.

Несмотря на эту маленькую неудачу, мы все от нашей поездки получили большое удовольствие: все купались, у взрослых не сходила улыбка с лица, видя, как резвятся дети. Часто впоследствии мы вспоминали наш первый замечательный праздник Рождества на берегу океана.

В январе месяце уже почти все куры несли яички, которые мы отправляли по железной дороге в Брисбен. Мы следили за тем, чтобы получить как можно больше яичек первого сорта, так как за первый сорт платили много больше, чем за второй сорт, давали курам раздробленные ракушки и принимали все другие мероприятия, нужные в куроведении.

Как-то к нам на ферму продавец привез какой-то порошок и сказал, что этот порошок хорошо давать курам — он способствует улучшению скорлупы яйца.

Мы купили у него небольшое количество этого порошка, и затем запросили нашего знакомого куриного фермера об этом порошке.

Ответ пришел довольно оригинальный, который я и впоследствии часто с улыбкой вспоминала, — он написал нам, что этот порошок хорошо помогает тому, кто его изготавливает.

Во время совместного владения фермой между Алексеем и Павлом ни разу не было ни одного недоразумения. Алексей не случайно получил на пароходе все голоса при выборах старосты для украинцев. Он обладал особо миролюбивым характером и часто шутил, что оживляло нашу жизнь на ферме; также он отличался щедрой натурой. Однажды сосед пригласил Павла и Алексея поехать с ним на ферму ананасов. Прие-

хали они домой с двумя дюжинами больших ананасов, — такой заказ дал Алексей. Это количество на довольно долгое время пресытило нас ананасами.

Абсолютно то же самое получилось и с па-пау, и это имело даже некоторое последствие. Когда мы приобрели машину и пришло время купить цыплят, мы решили поехать сами на ферму цыплят и забрать их. Фермер был доволен этим решением и в благодарность преподнес нам три больших па-пау. Удивление его было действительно искренним, когда мы сказали ему, что мы па-пау не любим. Конечно, пришлось объяснить ему, почему. Мы получили взамен большой пучок бананов, которые съели с удовольствием.

Как я уже упоминала, Алексей по специальности был механиком, и он, видя, что доход с фермы будет слишком мал для двух семейств, решил вернуться к своей прежней специальности, которая к тому же очень требовалась в Австралии.

Они продали нам свою часть фермы и переехали в город Бандаберг, где он устроился на работу механиком. Через год они выехали в город Мельбурн, где Алексей устроился на работу по специальности, и они решили обосноваться там навсегда и вскоре купили там дом.

Мы же еще шесть лет продолжали хозяйничать на ферме, ежегодно добавляя по 500 штук однодневных цыплят. Более 2000 кур мы не держали, продавая старых, так как только первые два года куры наиболее продуктивны.

Когда подходил сезон рубки тростника, Павел снова рубил тростник, тогда уж я и Бансик смотрели за курами и цыплятами.

Конечно, на ферме работы было много; мы не имели электричества, которое провели в том районе только на четвертый год, не имели холодильника или стиральной машины, имели только деревянную плиту, но в молодости больше сил, все легче переносится. Мне все так нравилось в Австралии. Нравилось, что мы живем в глуши, нравилась эта тишина после жизни в военное время в Германии, когда так часто просыпались ночью от тревожных гудков и должны были зимой оставлять свои теплые постели и бежать в погреб или в бомбоубежище и сидеть там часами.

Для удобства рубки тростника тростник чаще рубят вдвоем. После отъезда Алексея Павел имел своим напарником соседа-австралийца, профессионального рубщика тростника,

который часто говорил, что такого заработка, как в то время, когда он работал с Павлом, у него никогда не было, и что один самый высокий заработный листок он вставил в рамку и повесил на стену в гостинной комнате. Конечно, как профессиональный рубщик тростника он правильно поступал, что не добивался больших рекордов, которые, конечно, уменьшили бы срок его жизни.

На плантации тростника, если таковые находились недалеко в окрестностях местожительства, рубщики ездили на велосипедах.

Однажды Павел, в полдень приехав домой на обед и пообедав, снова выехал на работу на плантацию, где должен был ждать своего напарника больше часа, чего раньше никогда не было. Когда он уже было решил поехать к нему домой и узнать в чем дело, подъехал его напарник и рассказал, что только он после обеда собрался выехать на работу, как увидел под домом в клетке, где была их птичка, змею. Она, немного раздвинув прутья, залезла в клетку и проглотила птичку, но вылезти уже не могла, так как ее толщина увеличилась.

Первое время он не знал, как поступить со змеей, а затем решил зарядить ружье и из ружья убить змею-пакостницу.

Жизнь текла своим чередом, согласно существующей поговорке — "в жизни все меняется, таков ее закон".

Молодежь, проработав один, два, или три сезона на тростнике, рубке и прополке, заработав приличную сумму денег, разъезжалась по городам, устраивалась там на работу, покупала дома, обзаводилась семьей.

Даже И. Ф. Федоров, продав свою тростниковую ферму, купил дом в Брисбене и переехал туда жить. Остались мы одни, и у нас тоже возникло желание переехать в Брисбен.

Мы решили продать ферму после окончания сезона рубки тростника, в начале декабря, и так как до декабря оставалось еще три месяца, то Павел решил нанять трактор, вспахать полтора акра целины и засадить ее арбузами, которые, как известно огородникам, лучший урожай дают на целине.

Посадили мы арбузы; по воскресным дням Павел пропалывал и поливал их, нося воду из колодца.

Покупателя на куриную ферму в этом районе нелегко было найти. Нашелся один покупатель, наш знакомый, новый австралиец, но он поставил нам условие, что он купит ферму только вместе с нашей собакой — Бансиком, но на это условие мы не согласились.

Пришлось нам отдельно продать кур, а затем усадьбу.

Подошел декабрь месяц, закончился сезон рубки тростника, начали поспевать арбузы. Действительно, лучших нельзя было ожидать — большие, вкусные и — множество. Больших зрелых, недозрелых и маленьких насчитывали более 1000 штук.

Дни были жаркие, и мы не пили воду или чай, на столе в посудине стоял арбуз, и мы много раз за день наслаждались этим продуктом, а также угощали наших посетителей. Нашим друзьям-соседям Павел завез по полдюжины лучших арбузов в подарок.

Владелец магазина в Чилдерсе сделал первую довольно большую закупку арбузов. Затем последовали еще заказы. На этот раз наши сельскохозяйственные успехи были более, чем хорошими. Оказалось то, что всем известно, — что почти в каждом деле для успеха кроме трудолюбия нужен и опыт.

К этому времени нашелся покупатель и на усадьбу, житель из Чилдерса, который нам сказал, что его жена и сынишка хотят жить в стороне от города.

Предпочитая ясность во всех делах, Павел заявил у солиситера в присутствии покупателя, что урожаем арбузов он оставляет за собой.

Еще не получив всех денег за дом, мы по просьбе покупателя выбрались в соседний пустовавший дом, сказав новым хозяевам, что они могут рвать арбузы для себя сколько хотят.

Так как оформление на дом чаще длится не менее 3-4 недели, то это дало нам возможность реализовать все спелые арбузы, остальные же остались в подарок новым хозяевам, которые, надеюсь, имели от них такое же удовольствие, как и мы.

Продав усадьбу и погрузив наши вещи на нашу автомашину, мы двинулись в путь, на новую жизнь в городе. Бансика, конечно, мы взяли с собой, также и глухого белого кота, который был неспособен себя прокормить.

До Брисбена было приблизительно 200 миль. Мы, наверное, имели не совсем обычный вид: вещи в кузове, собака на вещах, кот с нами в кабине, — так как почти все встречные люди в машинах нам улыбались.

Настроение у нас было хорошее, так как почти у всех людей есть такая хорошая черта — на будущее смотреть с надеждой на лучшее.

В Брисбене нам также повезло, у нас оказалось достаточно денег на покупку дома, который нам очень понравился.

У нас появилось много новых знакомых и друзей, также мы встретились со старыми друзьями, и наша жизнь стала много интересней.

Автор в 1953 году

Эпилог

Заканчивая свое повествование о первых шагах нашей семьи в Австралии, хочу еще раз поблагодарить правительство этой богатой, гостеприимной страны, которая после 2-й мировой войны приняла миллионы иммигрантов, из которых многие были Д.П., и дала им хорошую, зажиточную жизнь.

Также хочу поблагодарить население Австралии, которое во многих случаях высказывало нам свое гостеприимство.

